-Вер. Москва.-1997.-25 января.-с.4.

КАЙФ-О-КЛОК

«ВСПОМИНАЯ О НЕМ, ПРОСЫПАИТЕСЬ...»

В последние годы интерес к Владимиру Высоцкому как будто ослаб. (Или просто так кажется?) О музее Высоцкого речь заходит еще реже. Наверняка, немногие знают, где он находится и чем занимается. Между тем есть надежда, что наступит новая волна популярности Высоцкого: недавно директором музея стал его младший сын Никита.

Никита Высоцкий:

Директор музея

Музей Владимира Высоцкого возник стихийно. В Театр на Таганке люди приносили материалы об известном актере и певце — записи, фотографии... Все это сваливали в одну кучу в кабинете заведующего литературной частью театра Петра Леонова. К нему постоянно приходили коллекционеры — поклонники Высоцкого, и это в какой-то степени мешало работе театра. Вскоре стало понятно, что для музея нужно отдельное помещение.

В 92-м году было принято решение правительства о создании Государственного культурного центра-музея Владимира Высоцкого. Трехэтажное здание, выделенное для этого, ремонтируют до сих пор.

— Много ли теперь экспонатов в собрании музея?

— Театр на Таганке передал театральные костюмы и эскизы костюмов, гримерный столик, тексты пьес и ролей. Это все — «следы», сохранившие память о Высоцком-актере.

Собран довольно большой фотоархив.

Рукописей, правда, мало. В основном его работы хранятся в Центральном государственном литературном архиве.

Среди экспонатов есть его первый письменный стол, купленный в 1969 году. На вид это — обычный стол, ничем не примечательный. И он интересен именно своей неприметностью: говорит о том, что его хозяин жил обыденной жизнью, так, как все, но, живя этой обыкновенной жизнью, он поднимался туда, куда почти никто не осмеливался задрать голову. Именно в этом смысл демонстрации письменного стола.

Личные вещи тоже есть, но немного. Наверное, они должны быть в музее, но их ценность как музейных экспонатов мне непонятна. Они должны вписываться в созданные художественные образы, создавать определенную атмосферу или что-то символизировать. Сами по себе они дороги только для родственников.

Как-то в музее Ленина видел его пальто, в котором он якобы был, когда в него якобы стреляла Фанни Каплан. Довольно странно, что оно хранится под стеклом и с сигнализацией, будто это — не старое пальто, а Мона Лиза.

Когда обожание известного человека переносится на камень, которым он в семилетнем возрасте высадил стекло соседки по дому, теряется самое важное — суть его творчества.

Выставлять личные вещи Высоцкого как «святые мощи» (типа гвоздей из креста Иисуса) не имеет смысла. Поклонение его вещам — преждевременно, и оно, как ни странно, мертвит.

— Как родственники восприняли ваш приход в музей? Они вам помогают?

— Все, что зависит от нашей семьи, уже сделано. Мы подарили музею гитару, рукописи и личные вещи, которые теперь представлены. Мой дедушка Семен Владимирович и бабушка Нина Максимовна передали много фотографий из семейного архива. Моя мама Людмила Владимировна (кстати, в прошлом — актриса) четыре года проработала в этом музее.

Старший брат Аркадий, работающий на телевидении, тоже заинтересован в существовании этого музея и всегда готов помочь, несмотря на свою занятость.

— А Марина Влади передавала что-нибудь музею?

— Нет, ничего, и в этом плане я ее хорошо понимаю. В России она бывает по работе (недавно на киносъемки приезжала в Одессу), ее многое связывает с нашей страной, но у нее своя работа, своя личная жизнь.

— Раньше в газетах писали, что у вас с Мариной Владимировной очень плохие отношения — в связи с ее книгой «Владимир, или Прерванный полет». Это правда?

— Я не считаю, что у нас с ней плохие отношения — у нас их просто нет. Ну какие могут быть отношения? Она живет в Париже... Насколько я знаю, практически ни с кем из родственников, знакомых и друзей отца она не общается. Наверное, не потому, что она — плохая, а потому, что у нее совсем другая жизнь. И в этом нет ничего страшного.

— Планирует ли музей выпускать сборники воспоминаний о Высоцком?

— Таких сборников и так слишком много, но они не имеют для музея никакой ценности: пишущие для печати не всегда бывают объективны и откровенны. К тому же, люди чаще описывают не столько событие, сколько свою реакцию на него.

Более точную информацию позволяют собрать опросы, и сотрудники музея будут опрашивать людей, знавших Высоцкого, а потом обрабатывать результаты, анализировать их.

— Вы продолжаете играть в спектакле «Владимир Высоцкий» в Театре на Таганке...

— Я не считаю свое участие в этом спектакле работой. Не желал за это даже деньги получать. Хотел уйти, тем более что в театре есть молодые хорошие актеры, но попросили остаться, и я пока не ухожу. Наверное, я все-таки нужен этому спектаклю. Когда он появился, то шел на «одном дыхании» три с половиной часа без антракта. И воспринимался как единое «действо» — не театральное, а как нечто натуральное. Но теперь, спустя годы, все выглядит совсем по-другому, былые чувства и эмоции стерлись. Постановка уже не может держаться на том, на чем держалась вначале, — на искреннем, добром отношении к Высоцкому и к театру. Хотя в ней есть очень удачные места, даже находки, нужно придумать что-то новое, что-то изменить.

29 июня во время спектакля лопнул трос, на котором держались декорации. И я тогда остро почувствовал, что это — не очень хороший «звоночек»...

— Вы дружите с бывшими коллегами отца?

— Актеров Театра на Таганке я уважаю, хорошо отношусь и к молодым, пришедшим сюда недавно. Но сам театр... Мне ближе совсем другая режиссура, другой способ актерского существования. Здесь «реальностью» всегда был конфликт, гражданственность. Раньше, покупая билет в этот театр, человек уже совершал Поступок. И в этом уже была «реальность»: люди знали, куда идут.

В те годы у Любимова в основном играла молодежь. Молодые люди — «шестидесятники», — чистые и честные, готовые бросить вызов обществу (помню фотографию тех лет: молодые парни в белоснежных рубашках идут по мокрому асфальту. Эта фотография оставляла какое-то светлое чувство, рождала веру...). Теперь же не нужно смелости, чтобы выйти на сцену и сказать что-то дерзкое. В таком вызове уже нет никакой энергии, нет и смысла.

Меня приглашали в труппу этого театра, но я чувствую, что я — не таганский артист и тому театру не нужен.

— Какой же театр вы считаете своим идеалом?

— После окончания театра-студии МХАТа я работал в театре «Современник», и этот театр мне многое дал. Потом у меня была своя труппа — Московский маленький театр. Нам, молодым актерам, казалось, что мы сможем найти что-то свое, что-то необычное. К сожалению, наш коллектив развалился из-за неурядиц.

Сын

— Никита Владимирович, вы говорили, что в конце восьмидесятых вашего отца пытались выдать не за того человека, каким он был на самом деле. Что вы имели в виду?

— Многим кажется, что понять его очень просто, но на самом деле его простота и понятность — мнимая. У властей было желание объяснить необъяснимое. Например, обосновать, почему государство (по сути — одни и те же чиновники, одни и те же люди) в 60—70-е годы его настойчиво затирало, а потом вдруг признало?

С одной стороны, чиновники могли покаяться: мы, да и государство в целом, — это такая дрянь. Но с другой стороны, они не могли этого допустить: если государство презирается, начинается самосуд на улицах. Нужно было найти компромисс. Поэтому и родилась версия: раньше были плохие чиновники-коммунисты, а теперь пришли хорошие — демократы, которые Высоцкого всегда любили. Еще была попытка внушить: у него было очень неровное творчество. Наряду с хорошими песнями были слабые — «дворовые», «блатные», которые он сам «перерос». А его песни о войне — неточные, потому что он сам войны не видел, писал с чужих слов и мог ошибиться. Ну а песня «Банька» — хорошая, и не все было так плохо...

Так и появилось официальное объяснение: мы все любили Высоцкого, но иногда его «поправляли».

— Есть мнение, что ему самому вовсе не были нужны ни государственные награды, ни официальное признание...

— Возможно, но он все-таки был человеком, видел, как его коллеги получали звания и более высокие концертные ставки. Да и вообще присвоение звания артисту — это признание государством его мастерства и заслуг.

Обидно, что при жизни власти его не жаловали, но это вполне объяснимо. Об этом уже давным-давно все сказано...

— Есть ли у вас желание самому написать книгу воспоминаний об отце?

— Никогда не хотел написать сам, но мечтаю найти человека или коллектив авторов, которые бы смогли написать книгу в стиле серии «Жизнь замечательных людей». Наш музей готов выступить в роли заказчика и снабдить всей необходимой информацией. Но это должно быть не сухое повествование и не детальное изложение фактов биографии (кто с кем пил и кто с кем спал), а художественное произведение типа романа Булгакова о Мольере. Хотя, наверняка, ничего подобного не получится: о современнике писать намного сложнее, чем о Мольере...

— Вы представляли семью Высоцких в Сан-Ремо на фестивале некоммерческой эстрады, посвященном Высоцкому...

— Действительно, я ездил в Италию на фестиваль некоммерческой музыки «Премия Тенко». Такие фестивали проводятся с 74-го года, когда итальянский певец Тенко покончил жизнь самоубийством на конкурсе эстрадных певцов в Сан-Ремо. В память о нем и в знак протеста против коммерциализации музыки начали проводить подобные фестивали. Каждый год их посвящают кому-то из известных певцов. В 93-м фестиваль был посвящен Высоцкому, и меня пригласили в Сан-Ремо его организаторы.

На фестивале были также Сергей и Татьяна Никитины. Певцы из разных стран пели песни Высоцкого на итальянском языке. Марина Владимировна исполняла песню «Беда».

— А вы сами любите бардовские песни?

— Никогда всерьез этим не увлекался, хотя мне нравятся некоторые талантливые исполнители — Егоров, Визбор.

К сожалению, не все барды — благородны, бескорыстны и прекрасны, и не стоит идеализировать всех, работающих в этом жанре.

— Вас не задевает, что «бум» на Высоцкого прошел? Или вы считаете это естественным?

— О нем не забыли, нет, просто внимание к нему рассеялось, как бы затерялось. Оно сфокусировано на чем-то другом. О нем вспоминают в определенных случаях, в подходящих аудиториях. В нужный момент словно «включают» память. Создается ощущение, что ему просто отдают дань памяти.

Мой сын в школе по хрестоматии изучает его стихи. И мне от этого не по себе: в детстве не хотелось читать то, что задавали в школе. Нравилось читать что-то другое, вне программы.

Может, потому и нужно отреставрировать этот дом, чтобы из Высоцкого не делали безукоризненного гения со сдвинутыми бровями. Чтобы, вспоминая о нем, люди «просыпались», стремились к творчеству.

Высоцкого любят и демократы, и коммунисты, и Ельцин, и Зюганов, и Карпов, и Каспаров. Политические и прочие страсти людей разъединяют. А Высоцкий — объединяет...

Беседовала Ольга КОРОЛЕВА

Фото автора